НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ

Оставленная пустынь предо мной
Белеется вечернею порой.
Последний луч на ней еще горит,
Но колокол растреснувший молчит.
Его (бывало) заунывный глас
Звал братий к всенощне в сей мирный час.
Зеленый мох, растущий над окном,
Заржавленные ставни – и кругом
Высокая полынь – все, все без слов
Нам говорит о таинстве гробов.

М.Ю. Лермонтов

Эти строки родились в Воскресенске*, в автографе сделана пометка: «Написано на стенах (пустыни) жилища Никона. 1830 года». *Оставленная пустынь* – умолкнувшая старина, но заветная, зовущая. Русская Палестина, Новый Иерусалим, образ Града Божия, «шевелящий отрадное мечтанье». Дважды побывал Лермонтов у печерских угодников в Киеве, ходил к Сергию в Троицу, молился на Гробе Господнем и у святителя Никона в Новом Иерусалиме… Три великие святыни России – три могучие опоры русского бытия. Каждая особая, в каждой воплотилась своя эпоха, в каждой бьется своя мысль, но все три слились в один таинственно пульсирующий в русском сердце образ Святой Руси.

Замысел Никона, казавшийся современникам, невероятным и даже кощунственным (де Патриархом Иерусалимским гордец хочет стать), потомками воспринимался совсем иначе:

При нем теснится чувствованье
К нам в грудь того, чему нет слов,
Что выше теплого участья,
Святей любви, спокойней счастья[1].

Даже и сегодня, когда о былом величии напоминает, пожалуй, лишь храм Воскресения Христова, невольно поражают воображение «думы великие» дерзновенного Никона – память его в род и род.

Яркая фигура Патриарха Никона, его сложная личность воплотила в себе трагедию эпохи перелома, заката Древней Руси, крушения ее идеалов, эпохи последнего духовного напряжения и почти стремительного сокрушения веры, этого краеугольного камня православ-

* Ныне город Истра Московской обл.

[1] *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1964. Т. 1. С. 238.

ного самосознания. Раскол, а вслед за ним и петровские «реформы» предопределили весь дальнейший ход русской истории, судьбу русского народа. Раскрыть тайну Промысла нам не дано, но, чтобы хоть немного приблизиться к ней, нужно пристально вглядеться в человека той эпохи, в его «образ мнений», проникнуть в мир его заветного, прикоснуться к «веку минувшему во всей его истине».

На Руси в XVII в. совершилось «событие, беспримерное в летописях Русской Церкви. Глава Русской Церкви, замечательнейший иерарх ее, выдвинувшийся из среды народа своим умом, энергией и богатством духовных дарований – знаменитый Патриарх Никон, пал *жертвой искусно веденной интриги своих многочисленных врагов*» (курсив мой. – *Н.М.*)[2].

Святейший Никон боролся против цезарепапистского духа эпохи. Несгибаемая воля подвижника Православия, его исповедничество стали могучим залогом противостояния боярскому властолюбию. «Соборное Уложение» (1649) несло с собой расцерковление государства. Учреждение Монастырского приказа отменяло самостоятельность Церкви; этому органу, от нее не зависящему, но активно вмешивавшемуся в церковные дела, вменялся суд над духовенством. В Уложении четко прослеживалась тенденция отъятия церковного имущества, в полной мере воплотившаяся в петровское царствование и приведшая к катастрофическим издержкам в православном просвещении и воспитании народа, ибо обескровленные монастыри уже не могли содержать школ, зато протестантская наука получила повсеместное распространение. Петровский абсолютизм явил собой буквальную пародию на *православную монархию*, с ее симфонией властей, выраженной в значительной степени в самом строе Московского Царства. Таким образом, при Петре именно государство встало на путь внутреннего разорения.

И эта перспектива, и ее последствия были отчетливо видны Патриарху Никону. Ясный ум святителя прозревал всю губительность цезарепапизма (и связанной с ним секуляризации государства) для Руси, что как раз следует из его сочинения «Возражение или Раззорение…»[3]. По сути, Никон защищал симфонию властей[4], когда кесарю отдается кесарево, а Божие Богу (Мк. 12, 17/, вмешательство светской власти в дела церковные было неприемлемым для Патриарха. Он справедливо считал, что для управления Церковью нужно иметь *апостольскую*

---

[2] *Бриллиантов И.И.* Ферапонтов Белозерский монастырь – место заточения Патриарха Никона. СПб., 1899. С. 123–124 (репринт: СПб., 2001).

[3] См.: *Зызыкин М.В.* Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи: В 3 ч. Варшава, 1931–1938 (репринт: М., 1995).

[4] *Серафим (Соболев), архиеп.* Русская идеология. СПб., 1994. С. 147–177.

благодать, но не благодать на управление царством. Отстаивая заветы императора Юстиниана, Патриарх Никон, в сущности, отстаивал *православное царство*, боролся за сохранение исторического бытия русского народа и, наконец, за сам народ – за *спасение русского этноса* (что с совершенной очевидностью просматривается из исторической перспективы: близорукая политика Петра, инерционная сила его «реформаторства» «подняла Россию на дыбы» [дыбу] «у самой бездны»). «…борьба Никона была исповеднической защитой исконной русской идеологии. Борьба Патриарха была направлена к тому, чтобы Русское государство возглавлялось истинною царскою самодержавною властью, при которой только и возможно осуществление симфонии властей и, следовательно, – процветание Церкви и государства силою православной веры»[5]. Все устремления Патриарха были направлены на сохранение авторитета и прав Церкви на фоне усиления секуляризационных тенденций цезарепапизма, хотя в борьбе и желаниях своих он, как человек, не всегда был свободен от промахов и ошибок.

И все же, защищая *Святую Русь*, Никон предпринимал и шаги поразительные. Один из них – замысел, дерзкий для врагов, но прекрасноблагодатный, чисто русский по творческому размаху, пронзительный и пронзающий века – Русская Палестина. Средоточием ее сакрального пространства стала символическая гора Сион, на которой возвышался Воскресенский собор с кувуклией Гроба Господня; здесь таинственно соединялись мир видимый и невидимый, небо и земля, Гроб Господень и великое чудо Воскресения. Сама архитектоника собора создавала впечатление вертикального (в небо) восхождения, особенно эта мысль подчеркивалась в облике шатра, увенчанного золотым куполом, над ротондой со святым вертепом. В окрестностях монастыря были разбросаны Вифлеем и Вифания, Капернум, гора Фавор и Елеон, струился поток Кедрон, несла свои полные воды тихая Истра – русский Иордан, Река Жизни (крестившиеся во Христа – крестились в Жизнь Вечную). Очевидно, что в самом распределении топонимики отмечалось стремление к воспроизведению действительной топографии Святой Земли.

Москва почиталась третьим Римом, а между тем рядом с ней вырос третий Иерусалим, ибо: 13 сентября 355 г. был освящен «предреченный пророками Новый Иерусалим, храм Спасителя»; ветхий же, по словам Евсевия, «был обращен в крайнее запустение и понес наказание ради своих нечестивых обитателей»[6]. Воссоздавая образ «Нового Иерусалима»

[5] *Серафим (Соболев), архиеп.* Русская идеология. С. 155.

[6] *Евсевий Памфил.* Жизнь Константина. М., 1998. С. 119. Название Новый Иерусалим было усвоено всему городу в IV в. После восстания иудеев Иерусалим был полностью разрушен и отстроен заново, назывался же город – Элиа Капитолина. Император

на Руси, Патриарх Никон желал, чтобы народ стоял «ногою твердой» («да не преткнеши о камень ногу твою», Пс. 90) в вере православной, стремился укрепить ее, задержать надвигающуюся тьму, как будто остановить уходящую Святую Русь. Пожалуй, богословие Никона ярче всего выразилось в устроении сакрального пространства Русской Палестины; архитектурное, ландшафтное, топонимическое решение задачи раскрывало мировоззрение создателя: творец явил себя в своем творении.

Словно образ Града Небесного, сошедший на Русскую землю, покоится Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь в лоне долины Истры – у горы Елеонской, словно тот образ нового города, что спустился «от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. <…> се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их» (Откр. 21, 2-3). Именно эта апостольская мысль раскрывает величие православного родолюба Никона. Так видел Святейший Патриарх свое детище, так замышлял святитель, когда решался на дело великое, неслыханное доселе на Руси. И этот высочайший акт человеческого творчества понимается как некая сверхзадача Спасения, как тот путь, что завещал Никон русскому народу, – благочестие и чистота, созидание во имя Бога и с Богом[*].

Собор Воскресения Христова в Новом Иерусалиме – это евангельская поэма в камне. Живоносный Гроб Господень и Камень, отваленный от Гроба, Камень повития (или миропомазания), «Жалостный путь», Голгофа, Крест Господень и каменные узы Спасителя, приделы Воздвижения Животворящего Креста Господня, Разделения риз, Тернового венца, Успения Пресвятой Богородицы и Усекновения главы Иоанна Предтечи, преподобной Марии Египетской и равноапостольной Марии Магдалины… Поразителен по масштабам и духовной глубине замысел Патриарха: взирая лишь на план-чертеж храма, не перестаешь удивляться, како сей невместимое вместиша… Непостижим Никон! Огромен и непостижим!

В сорока пяти поприщах от Москвы (по словам патриаршего клирика Иоанна Шушерина) Патриарх Никон купил село Воскресенское,

---

Константин вернул прежнее имя, но, в отличие от «древнего и растленного», стал называть его *Новым Иерусалимом*.

[*] Часто говорят, что Патриарх Никон остался непонятым; возможно, что так, но скорее всего хулители его, осуждая Святителя за гордыню и как будто прячась за этим обвинением, не желали видеть в Руси третьего Рима, а одна мысль, что теперь еще и образ Нового Иерусалима перенесен сюда, под Москву, наверное, повергала их в отчаяние; ведь все «дело Патриарха Никона», как оно видится из исторической перспективы, было делом антирусским, антинародным. И колебание всего Царства Московского (внутринародный раскол), и последствия его были отнюдь не меньшими, чем, скажем, в пору Пугачевского бунта.

где начал возводить монастырь. «Когда настало время освящать церковь, Святейший Патриарх пригласил на торжество Государя, которому так полюбилась местность, что он писал… Никону: “Господь Бог издревле предуготовал место сие на создание монастыря, ибо оно по красоте подобно Иерусалиму”. С радостью прочитав это послание, Святейший Патриарх положил его в кованом серебряном ковчежце под святым престолом и повелел по царскому писанию называть Воскресенский монастырь Новым Иерусалимом.

После того он послал келаря Живоначальной Троицы Сергиева монастыря старца Арсения Суханова в Палестину, в святой град Иерусалим для снятия подобия с иерусалимской церкви Воскресения, которую построила благоверная и христолюбивая Царица Елена… По подобию иерусалимского храма… Никон повелел строить в Воскресенском монастыре весьма большую и просторную церковь, какой во всей России и окрестных государствах до сих пор не обретается, ибо и сама Иерусалимская Святая Церковь от озлобления турков во многих местах разорена и испорчена другими неправославными верами по их обычаям»[7].

Замечательный духовный писатель Андрей Николаевич Муравьев, не раз бывавший в Воскресенской обители, поместил в очерке «Новый Иерусалим» следующий рассказ: «Патриарх Никон построил сперва на сем месте в 1656 г. малую деревянную церковь во имя Воскресения Христова, потом, получив модель из Иерусалима, он приступил к созиданию сего храма и воздвиг его почти по самые своды, в течение девяти лет вольного своего заключения в сей обители… Он прожил все сие время в пустынном столпе, на берегу Истры, его Иордана, и заботился ревностно о строении храма, делая сам кирпичи и нося их как простой каменщик. Когда… был он совсем отчужден от патриаршеского служения и сослан на Бело озеро, остановилась и работа храма, и в таком положении оставался он 13 лет, доколе Царь Феодор Алексеевич… не повелел продолжать строение.…но здание было окончено только в 1685 г., уже при двух Царях Иоанне и Петре, и храм освящен в их присутствии Патриархом Иоакимом. По разрушении же каменного шатра над Св. Гробом и после бывшего пожара, церковь сия опять пребыла в запустении 26 лет, доколе… Царица Елисавета Петровна, тронутая величием обители, не повелела возобновить ее со всевозможным великолепием, назначив архитектором знаменитого графа Растрелли»[8].

[7] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России. М., 1997. С. 52–54.

[8] *Муравьев А.Н.* Путешествие по святым местам русским. В 2 ч. СПб., 1846. Ч. 1. С. 96–97. Далее цитируется настоящее издание, страницы указываются в тексте статьи.

В XVIII в. возник благочестивый обычай освящать в соборе престолы в память о небесных покровителях Дома Романовых; но не только августейшие особы оставили здесь свой след, – и простые русские люди украшали и обустраивали приделы храма, и постепенно он становился памятником *священной* русской истории.

Новый Иерусалим А.Н. Муравьев посетил еще до своего путешествия в Святую Землю (1829), но русская обитель именно там, на Востоке, получила для него «новую занимательность»: «Посреди храма Воскресения, – вспоминал путешественник, – мне утешительно было рассказывать братии палестинской, что и у нас в России есть подобие их великой святыни, и как поверял я мысленно в древнем Иерусалиме здания нового, так пожелал я, по моем возвращении, опять на него взглянуть, при свежих еще впечатлениях древнего, чтобы утешить сердце священным сходством обоих» (с. VI). Муравьев оставил множество чудных, поэтических зарисовок Русской Палестины. Сегодня для нас, обездоленных и обобранных безбожным столетием, они чрезвычайно интересны и ценны, особенно как историческое свидетельство ушедшей России.

«Пышное, игривое зодчество» собора впечатляло поклонника еще издали: «это чудная гора малых куполов и глав, своенравными уступами восходящая до двух главных куполов храма, и вся сия гора на разных высотах усыпана золотыми крестами, напоминая житейское крестное восхождение наше. Но хотя зрелище сие великолепно и вполне достойно громкого названия Нового Иерусалима, оно совершенно отлично от образца своего. <…> …здесь… все еще ново и свежо: четыре малые часовни, едва подымаясь поверх земли, окружают большой купол подземной церкви Обретения; еще выше две легкие главы, по обеим сторонам соборного алтаря, знаменуют многочисленные приделы внутренней галереи, и еще две главы над Голгофою и Гефсиманиею, с южной и северной стороны храма, довершают стройную красоту здания, правильного в частях своих, когда в Иерусалиме самая местность не позволяла соблюдать симметрии» (с. 83–84). Вместе с тем Муравьев говорит и о поразительном сходстве обоих Иерусалимов. «Те же двойные врата <…> та же высота стены соборной, то же число окон во втором ярусе, и я даже узнал окно моей келии над церковью Елены. Самая церковь сия, посвященная здесь памяти Марии Египетской, прилеплена к храму подобно как в Иерусалиме…» (с. 84). В никоновом монастыре поклонник предается драгоценным воспоминаниям Палестины, он говорит о радостном трепете сердца, когда вступает в храм – «…так некогда вступал я и в

святилище Палестины… <…> “Что скажете?” – спросил архимандрит. – Я в Палестине!» (с. 88–89).

«Священное сходство» двух Иерусалимов словно приближает к постижению неизреченной тайны Воскресения, душа внимает «неба содроганью», внимает и до днесь… А тогда – «…я проникнул в самый утес Святого Гроба, – пишет Муравьев, – я опять простерся перед каменною плитою, на коей долженствовало лежать Божественное Тело, я готов был повторить те же молитвы, как в Иерусалиме, и мысленно повторил их; ибо все, что окружало, переносило меня к дивному образу сего места, и полумрак гробового покоя, слабо освещаемого одною лампадой вместо бесчисленных лампад иерусалимских, давал мне свободу дополнять воображением внутреннее убранство вертепа. О как отрадно находить посреди пустыни житейской, такое близкое к истине повторение желанных предметов! <…> “Был ли здесь архиепископ горы Фавора Иерофей, присланный за милостыней от Патриарха Иерусалимского?” – Был и плакал, при виде сего Гроба, – отвечал архимандрит» (с. 91–92).

В 1837 г., посетив с государем наследником цесаревичем Александром Николаевичем Новый Иерусалим, Муравьев вспоминал: «Уединенно стоял я в пещере Святого Гроба, когда великий князь, отслушав многолетие посреди храма Воскресения, взошел на коленях, сквозь низкое отверстие, во внутренность вертепа. С благоговением простерся он перед подобием той гробницы, которая, по выражению Шатобриана, одна только из всех гробниц никого не отдаст из недр своих в последний день. Бездна божественных воспоминаний, необычайность самого вертепа поразили царственного поклонника. Видя его, простертого на молитве пред Священным Гробом, помыслил я о державных богомольцах Запада и Востока, приходивших в течение стольких веков разрешать свои обеты в святилище иерусалимском, и весь исполнился минувшего» (с. 163).

Эти драгоценные духовные переживания, эти таинственные встречи, исполненные неизреченных молитв, эту радость *Богообщения*, счастье смиренного преклонения у Гроба Господня, здесь, на Руси, – это дивное чудо подарил нам Святейший Патриарх Никон. Эти трудно поддающиеся описанию святые чувства испытывали в Воскресенской обители бесчисленные поклонники нашего необозримого отечества. Так было в России… Монастырь стал ее великой святыней. Сия икона Святой Земли, восходящая к своему первообразу, напитала молитвенным благочестием не одно поколение русских, но не только – ведь у Никона «жило много иноземцев в монашеском и белецком чине: греки,

поляки, малорусы, белорусы, новокрещеные немцы и евреи, и много народу приезжало из разных стран и земель, желая видеть Патриарха и его великое строение; он же всех с радостью принимал»[9]. Принимает и теперь. Нет лишь прежнего благолепия. *Тишина* ушла…*

17 августа 1681 г. Патриарх Никон скончался в Ярославле, на берегу Которосли; 26 августа он был погребен в Воскресенском соборе, в приделе Усекновения главы Иоанна Предтечи под Голгофой, в Новом Иерусалиме – Русская Палестина стала последней земной обителью опального Патриарха. Архимандрит Герман (постриженник Никона, настоятель монастыря в 1681–1682 гг.) составил две стихотворные эпитафии Патриарху; в одной есть такие слова: «Аки столпъ каменнъ или крепкій отъ древъ / Стояше твердо, яко въ небо доспевъ, / Никонъ, отец и молебникъ нашъ къ Богу, / Приведый въ благость человекъ часть многу».

Почитание Святителя Никона установилось с XVII в. «Горячо и искренно любили Патриарха Никона люди благонамеренные, – писал архимандрит Леонид, – а ненавидели лишь те, для своеволия которых он был “Божия гроза”»[10]. В середине 30-х гг. XX в. прах Никона был осквернен, гробница вскрыта и ограблена[11]. Однако почитание Святейшего Патриарха сохранилось в *благочестивом русском народе* – Господь услышал праведную молитву: в 70-е гг. началось восстановление монастыря, тогда же возобновились, правда тайные, панихиды на гробе Никона, а в настоящее время он открыт для молитвенного поклонения.

Постепенно возрождается Русская Палестина; в начале 90-х гг. (точнее в 1995 г.) Ново-Иерусалимский монастырь был передан в ставропигию Русской Православной Церкви, основные архитектурные объемы его восстановлены, но, конечно, до прежнего благолепия безмерно далеко. И кто знает, сколько лет пройдет до той поры, когда тихий подвижник сможет повторить вслед за архимандритом А., некогда сопровождавшим по святой обители Муравьева: «Истинно достоин удивления храм сей. И всякий, кто только его видел, восхищается. Не говоря уже о красоте зодчества и о священном подобии,

---

[9] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона… С. 72–73.

* Осквернение обители началось в 1919 г., когда она была закрыта и превращена в музей; в 30-е гг. были уничтожены памятные престолы, расположенные на хорах, а 10 декабря 1941 г. монастырь был взорван. Смутным предчувствием некогда прозвучали лермонтовские строки: «Быть может, через много лет / Сия священная обитель / Оставит только мрачный след, / И любопытный посетитель / В развалинах людей искать / Напрасно станет, чтоб узнать, / Где образ Божеской могилы / Между златых колонн стоял…». Но до поры не сбылось.

[10] *Леонид (Кавелин), архим.* Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706). СПб., 1878. Т. 5. С. 10. Заметим: его Высокопреподобие архимандрит Леонид с 1869 по 1877 г. был настоятелем Воскресенского монастыря Нового Иерусалима.

[11] См.: *Зеленская Г.М.* Святыни Нового Иерусалима. М., 2002. С. 276–277.

нельзя не изумляться обширности и вместе стройности всех частей. Можно в одно время совершать обедню на нескольких престолах, и одна литургия не воспрепятствует другой, ибо голоса не будут сливаться. Здесь, со времени основания храма, каждая царственная десница устрояла придел в честь тезоименитого святого…» (с. 95).

Воскресенский монастырь Нового Иерусалима как образ Святой Земли стал удивительным памятником русской святости. Патриарха Никона вдохновляла мысль о воплощении Града Божия на Руси, он стремился напитать Русскую землю благодатью Святого Духа, душа его горела о Славе Божией, а грандиозная идея Русской Палестины выросла из толщи народной, той самой, откуда вышел и святитель.

Показательно, что русская духовная культура «не только бережно сохранила понятие “Палестина”, но и наделила его очень теплыми коннотациями “отечества, отчизны, родины” (народное: *в наших палестинах* – у нас на родине, Даль)»[12]; язык народа вернее всего выражает его суть, его природу – и почитание Святой Земли как своего отечества* только еще раз указывает на *богоносное* начало души русской. И как поразительно раскрылось оно в стихотворении Лермонтова «Ветка Палестины». Каким томлением духа, «звуками небес», тоской по Богу оно дышит:

<…>
Заботой тайною хранима,
Перед иконой золотой
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой!

Прозрачный сумрак, луч лампады,
Кивот и крест, символ святой…
Все полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой[13].

Как чудная молитва, стихи эти исторглись из души поэта в «минуту жизни трудную». В них излилось благочестивое чувство русского, вызванное лишь одним соприкосновением с напоминанием о Палестине, – в образной у А.Н. Муравьева были написаны эти стро-

[12] *Трубачев О.Н* Слово о Русской энциклопедии и некоторых библейских энциклопедических статьях // Православный Палестинский сборник. М., 2003. Вып. 100. С. 181.

* Как замечательно просто сказал об этом князь П.А. Вяземский в своем стихотворении «Палестина»: «Чудно блещут картины / Ярких красок игрой. Светлый край Палестины! / Упоенный тобой, / Пред рассветом, пустыней / Я несусь на коне/Богомольцем к святыне, / С детства родственной мне» или еще – в «Одном сокровище»: «И нет страны на всей земле обширной, / Где бы душа так дома зажила, / Где б жизнь текла такой струею мирной, / Где б смерть сама желаннее была».

[13] *Лермонтов М.Ю.* Там же. С. 29.

ки, «по внезапному вдохновению», «при виде палестинских пальм», принесенных хозяином дома с Востока. Ветви эти Муравьев подарил Лермонтову, он хранил их как святыню в «ящике под стеклом», по смерти поэта они покоились на гробе его в Тарханах.

* * *

«Светися, светися, Новый Иерусалиме, Слава бо Господня на тебе возсия», – так радостно поет народ наш во Святую и Великую Неделю Пасхи. Так весело ликует душа русская, исполненная этим благодатным *новоиерусалимским свечением*, где бы ни был в тот Красный день православный человек. Но теперь даже трудно представить, как всего лишь сто лет назад ликовало сердце русского здесь, у святителя Никона, в Новом Иерусалиме; здесь, где тот Гроб Господень, к которому глубоким утром пришли мироносицы-жены и, узрев ангела, услышали: «Что ищите живаго с мертвыми; что плачете нетленнаго во тли; шедше проповедите учеником его». Здесь, где так близко чудо Воскресения, что, кажется, к нему можно прикоснуться всем существом своим, всем естеством, узреть Его, как некогда узрела Мария из Магдалы… Воистину ангельское пение переполняло храм и «молчала всякая плоть» и «всякое дыхание хвалило Господа», и слышался как будто откуда-то из горних пределов голос самого Священномученика Патриарха Никона: «Приидите, поклонимся и припадем самому Христу, Цареви и Богу Нашему». И лилась великая и священная песнь Примирения и Любви: «Воскресения день, и просветимся торжеством, и друг друга обимем. Рцем братие, и ненавидящым нас, простим вся воскресением, и тако возопиим: Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ, и сущым во гробех живот даровав».

* * *

Радея о благолепии Руси, Святейший Патриарх Никон строил храмы и монастыри (Крестный, Иверский, Воскресенский). «Он понимал, что храм – это есть как бы книга, живое существо, воплощение религиозного восторга»[14]. Мысль эта выражена, так сказать, «вещно», материально прежде всего в духоносном зодчестве Воскресенского монастыря Нового Иерусалима. Священное сходство обоих Иерусалимов, внятное духовному взору православных русских и поныне (наша Палестина), кажется, отчасти приоткрывает великую тайну Святейшего Патриарха Никона, а значит, и великую тайну эпохи – *прощального поклона Древней Руси, но поклона заветного.*

© Масленникова Н.В.

[14] Из размышлений митрополита Антония (Храповицкого) о Патриархе Никоне – цит. по: *Зызыкин М.В.* Патриарх Никон. Ч. 3. С. 355.